Примечания:

Ханьфу – традиционная китайская одежда.

Баоцзы – паровой пирожок с начинкой.

Цзецзе — старшая сестра(вежливое обращение.

Цянь(в данном случае фамилия) – деньги.

Шаньси - горный ручей.

Сюэсэ Хоянь- кровавое пламя.

Синъюнь – счастливчик.

Ветер полощет синие одежды и собранные в высокий хвост волосы цвета воронова крыла. С такой причёской Бай Хэпин кажется совсем юным: его можно принять за ученика, если не приглядываться к глазам. Они словно затянутые облаками небеса, такие же далёкие, загадочные и безучастные. Когда-то давно, ещё в прошлой жизни, я кружила вокруг него и не отставала до тех пор, пока не видела, как взгляд его теплеет, а уголки губ слегка приподнимаются. Он прикрывал рот рукавом, но я успевала запечатлеть выражение его лица в своей памяти и, бывало, вспоминала перед сном. Мне следовало бить себя по щекам всякий раз, когда делала это.

Великий меч учителя быстр – приходится прикладывать усилия, чтобы не отставать от него. Полёты на мечах всегда вызывали у меня страх, смешанный с восторгом: адреналин вскипает в крови, мир с высоты восхитителен в своей необъятности, но постоянная необходимость держать равновесие и контролировать духовную энергию несколько портит впечатление. Никакой страховки, как на аттракционах, здесь не предполагается, и приходится постоянно напоминать себе, что опасность упасть отнюдь не иллюзорна.

- Куда вы направляетесь, учитель? – спрашиваю я, убирая клинок в ножны после приземления в единственном крупном поселении Приграничных Земель. Хотя я и не бывала здесь прежде, мне очевидно, что дом градоначальника – тот, позади, резко выделяющийся на фоне остальных. Над ним и соответствующая золотая табличка висит. – Разве нам не следует расспросить обо всём градоначальника?

- Прежде тебе следует поесть, - Бай Хэпин кивает на небольшую чайную.

В подтверждение его словам у меня покалывает живот. Невольно приложив к нему руку, я чувствую себя жалко. Учитель – могущественный заклинатель со сформированным золотым ядром, способный обходиться без пищи. Он мог бы сразу заняться делом, а не вспоминать обо мне. Не учитывать мои слабости, как хороший учитель, коим он не является.

В чайной в вечернее время многолюдно. Приграничные Земли испокон веков подвергаются нападкам демонов, так что неудивительно, что народ здесь привык к опасностям и даже решается игнорировать их. Однако лица у здешних встревоженные, а на столах и в ногах лежит оружие. Громкие разговоры мигом стихают, стоит посетителям увидеть двух людей в ханьфу заклинателей: цветные и из хорошей ткани, они опознаются сразу. Денег у школ совершенствующихся всегда хватает.

Я практически не слушаю, что именно учитель заказывает мне покушать. Предоставить своему

наставнику право выбора в таком вопросе, даже если есть не ему, а мне, - это нормальное поведение послушной ученицы, ведь наставник всегда знает, что будет лучше для подопечной. Впрочем, в прежние времена я не была настолько безвольна: любовь к еде толкала меня при каждой вылазке из школы выпрашивать у Бай Хэпина что-нибудь острое, сытное или сладкое. Сейчас же мне просто всё равно.

Потому я так удивляюсь, когда передо мной ставят миску ароматной лапши и плошку со сладкими баоцзы вместо чего-то полезного и безвкусного. Поймав мой удивлённый взгляд, Бай Хэпин поясняет:

- Мы вне школы. Люди обычно питаются иначе.

Неуверенно кивнув, я принимаюсь за еду. Горячая лапша приятно согревает горло, а ощущение вкуса на языке чуть не заставляет слёзы литься из глаз. Изо рта невольно вырывается стон блаженства, и я стыдливо стучу по губам ладошкой, не в силах забрать назад изданный звук. Слух совершенствующего его, разумеется, улавливает, и Бай Хэпин прерывает свой разговор с хозяином чайной, который неодобрительно цокает языком.

- Вашей ученице следует попросить добавки, коли ей так понравилось, - тем не менее, изрекает он, не прочь содрать побольше денег с богатеньких заклинателей. Покраснев от стыда и возмущения, я опускаю взгляд.

Бай Хэпин предпочитает промолчать, едва заметным кивком давая согласие на дополнительную порцию. Для того, кто выбрался из своего тихого дворца бороться с демонами, он пребывает в удивительно благодушном настроении. Так и хочется ему его испортить.

Покончив с трапезой, мы покидаем чайную и приходим в дом градоначальника в сумерках. Роскошь его убранства кажется чрезмерной даже мне, за время ученичества позабывшей о бедности. Стоящие тут и там вазы, обилие золота и нефрита кричат о достатке, и это невольно вызывает вопросы: «Откуда у градоначальника Приграничных Земель такое богатство? Как он его сохранил при постоянных набегах из Царства Демонов? Как горожане терпят его бахвальство?»

Стоя позади пьющего чай учителя, я брезгливо рассматриваю заплывшего жиром мужчину из-под полуопущенных ресниц. В книге он был настолько незначительным персонажем, что у него даже имени не было. Второсортный злодей с незавидной участью: Фэн Цзяньсюэ отдаст его на растерзание Хэ Лунвану, обвинив во всех случившихся с городом бедах.

Он действительно повинен во многом: своё состояние градоначальник нажил и сохранил лишь благодаря помощи демонов. Те его не трогали, а он открывал им городские ворота по первому требованию, выдавал самых талантливых ремесленников, самых зажиточных горожан… Тех же, кто подозревал его продажность, уничтожали демоны.

Однако демоны имеют свойство предавать. Княжна Фэн Цзяньсюэ, не желая признаваться возлюбленному в том, что нападали по её приказу, просто выдала учителю и его вознёсшемуся ученику градоначальника, предварительно слив в него значительное количество своей тёмной энергии. Фоновый злодей пал во славу любви главного героя и героини, она вышла сухой из воды, получив, что хотела. Что касается его жены, наложниц и детей, то кого волнует их дальнейшая судьба, правильно?

Мерзость!

- Что? – замутнённый алкоголем взгляд градоначальника устремляется на меня, и я понимаю,

что последнюю мысль высказала вслух.

- Демоны воистину мерзкие создания, - горячо изрекаю я, вскинув голову. – Как много бесчинств! Эта ученица поражена, что этот город по-прежнему стоит усилиями градоначальника!

Обманутый моей лестью, мужчина потирает седую бородку с довольной улыбкой.

- Ученики Нинцзин воистину мудры, - хвалит он меня перед учителем.

Бай Хэпин хмыкает. В его скользнувших по мне мельком серых глазах я читаю, что он не обманулся моими словами, и понимает, что имела в виду я нечто иное.

На ночь мы устраиваемся в доме градоначальника, который, конечно же, приглашает нас к себе абсолютно бесплатно и с целью убедить в своей доброжелательности и крайней заинтересованности в поимке мерзких тварей. Я действительно собираюсь поймать одну уже этой ночью, улизнуть за уликами, но мои планы рушат одной неожиданной фразой:

- Ли Лунмин, ты ночуешь со мной.

Моя выдержка даёт сбой, и я давлюсь воздухом. Комнаты нам, как и полагается, выделили две, так с какой-такой стати?..

- В городе небезопасно, - учитель, до того стоявший ко мне спиной, разворачивается. – Тебе следует держаться рядом.

- Но ведь… - я запинаюсь, как какая-то школьница. – Я буду за стенкой…

- Твари высокого ранга понадобится меньше минуты, чтобы растерзать тебя, - учитель непреклонен. Он проходит в открытую комнату, и мне не остаётся ничего иного, кроме как зайти внутрь и ругаться про себя.

Дождавшись, пока служанки, косо поглядывая, обустроят на полу постель из одеял и подушек, я разоблачаюсь до нательного белья и скрываюсь под покрывалом. Бай Хэпин устраивается на единственной кровати, и вскоре в комнате слышно лишь его да моё еле различимое дыхание и лёгкий ветерок за стенами.

Луна серебрит внутренние покои богатого дома, из открытых окон доносится запах цветущих персиков. В тепле и мягкости сделанного на скорую руку ложа легко забыться и погрузиться во сны, которые, в такую красивую ночь, должны быть слаще патоки и уютнее дома родного. Возможно, сны Бай Хэпина именно таковы – из моих же давно пропала вся сладость и покой.

Осторожно повернувшись на бок, я подпираю щёку кулаком и смотрю на учителя. Его верхние одежды, как и мои, сложены аккуратной стопочкой на небольшом столике. Мужчина спит на спине, шелковистые волосы разметаются по подушке, тонкое одеяло понемногу сползает каждый раз, когда его грудь вздымается и опускается или же когда он чуть дёргается во сне. Хотя веки его плотно смежены, я понимаю, что стоит мне попробовать покинуть комнату, как он тут же проснётся и остановит меня. Если он поставил себе целью не дать мне выйти – я не выйду. Решил предать – предаст. Решил убить – убьёт!!!

Гневно поморщившись, я откидываю в сторону чёртово одеяло. Разгорячённой кожи лица и шеи касается уличная прохлада. Закатав рукава и охлаждая предплечья, я потираю виски указательными пальцами и бросаю полный ненависти взгляд на Бай Хэпина.

Моему текущему телу восемнадцать. Оно молодое, здоровое, сильное и, вне всяких сомнений, женское. Однако куда учителю, великому совершенствующемуся, господину-куску льда, задумываться о подобном? Ведь, как известно, учитель на один день, отец на всю жизнь. Учителя должно слушать, почитать и уважать. Его нельзя любить.

Я и не люблю! Уже давно не люблю… Тем не менее, такой его вид, домашний и обманчиво беззащитный, заставляет мои щёки и уши краснеть, а ноги стыдливо сжиматься. Ощущение собственной грязи покрывает меня с головы до пят.

Её слишком много для меня одной.

Её надо кому-нибудь передать.

Поднявшись на ноги, я как в бреду преодолеваю короткое расстояние между моей лежанкой и его кроватью. Приблизившись, я замечаю капельку пота, сбегающую по виску учителя. Ему снятся кошмары?

- Ляньхуа…

Пошатнувшись, я едва удерживаюсь на ногах. Снова! Он снова зовёт меня, то есть её. Ему вновь снится ученица, которую он же и убил! Почему? Почему он зовёт её и кривится?!

От злости едва ли осознавая, что делаю, я опираюсь коленкой о жёсткую кровать и пальцами оглаживаю подбородок мужчины. Если ему и впрямь снюсь былая я, то… то…

- Вы звали, учитель? – таким задорным голоском я не говорила уже много лет. Восемнадцать, если быть точной.

- Ляньхуа, прости, - Бай Хэпин хнычет, всё ещё запертый в Царстве Снов и вид у него до того непривычный и жалкий, что я сама не понимаю, что чувствую, глядя на него. – Прости, прости, молю тебя, прости…

Дышать вдруг становится значительно тяжелее. В глаза мне будто песок сыплют, и я невольно вижу пред собой юную девушку, что так омерзительно следила за каждым движением наставника, которым восхищалась.

Как он смеет? Как он смеет?! Он лично пронзал меня раз за разом, а теперь просит прощения у какого-то образа в своей голове и плачет? Плачет, когда на суде оставался невозмутимым?! Случившееся тяготит его душу? Он хочет прощения?!

Ли Ляньхуа бы простила. Та идиотка всё ждала и ждала, что учитель поверит ей, что найдёт доказательства её невиновности. Ли Лунмин же, которая сейчас говорит с учителем сквозь сновидение…

- Учителю не за что извиняться, - кокетливо смеюсь я, слегка надавив на губы мужчины. – Разве может этой ученице не нравится то, что делает учитель? – я склоняюсь к его лицу и обжигаю липкую от слёз кожу дыханием. – Эта ученица хочет, чтобы вы к ней прикоснулись.

Я издеваюсь над ним, жажду стереть ту девочку из его воспоминаний. Хочу, чтобы ему стало больнее. Чтобы Ли Ляньхуа стала такой же грязной, как настоящая я. Чтобы ему осталась только Ли Лунмин, которая предаст его, как только выдастся возможность.

Чего я никак не ожидаю, так это руки на своём затылке. Бай Хэпин впивается губами в мои

губы, преодолев то небольшое расстояние, что оставалось между нашими лицами. Кусает меня едва ли не до крови, словно вместо отвращения испытывает невиданную жажду. Так не пойдёт. Не пойдёт!

Я вырываюсь и спешно прячусь за ширму, чувствуя, как теплее стало внизу от полученной неожиданно грубой ласки. Я не понимаю, ничего не понимаю…

Давя слёзы, я выглядываю в комнату. Бай Хэпин мечется по постели, так и не пробудившись ото сна. Словно он сам не свой. Словно…

- Демоны!

Наспех набросив на себя верхнее одеяние, я вскакиваю на подоконник и оказываюсь во дворе. Влетевший в мою руку меч слабо пульсирует, откликаясь на тёмную энергию поблизости, но, сколько я ни вглядываюсь в ночную темноту, вижу лишь предметы да деревья, ни единой лишней тени. Раздражённо цыкнув, я оправляю рукава одежд и оглядываюсь на учителя, что мучается в Царстве Снов. По сути, я получила, что хотела: Бай Хэпин не способен обнаружить мою пропажу, путь в город, где шныряют приспешники Фэн Цзяньсюэ, открыт… Соблазн уйти настолько велик, что заставляет меня вернуться в комнату.

Отыскав меч учителя, я вижу, как он дрожит в ножнах, но духовных сил вытащить его у меня не хватит. Впрочем, и без взгляда на клинок понятно, что вблизи что-то опасное, угрожающее жизни хозяину оружия. Я закусываю губу.

То, что атаке подвергся только Бай Хэпин, обозначает, что я не представляю для неизвестного демона интереса. Если я уйду, он не станет меня преследовать. По сути, я могу использовать его в своих целях: рано или поздно Бай Хэпин всё равно его одолеет, ведь мужчина не умрёт до конца новеллы, которая, если судить по текущим событиям, продолжает следовать сюжету даже с моим вмешательством в жизни главных героев.

Однако уйди я – и поборовший демона учитель заподозрит меня в предательстве. Тогда мне не занять место главы дворца Безмятежности, я выдам свою ненависть гораздо раньше, и все мои планы пойдут псу под хвост. Мне нужна поддержка и живой Бай Хэпин хотя бы до того момента, пока я не сформирую золотое ядро и не избавлюсь от Фэн Цзяньсюэ.

Переминаясь с ноги на ногу, я не могу принять решение. Но вдруг в комнату начинают отчаянно стучать. Вздрогнув, я покрепче сжимаю меч и рывком распахиваю дверь.

- Цзецзе!

Я вздёргиваю брови, поражённо глядя на плюхнувшегося передо мной на колени мальчишку чуть младше моего нынешнего возраста. Запыхавшийся, он дрожит и бьётся лбом об пол.

- Цзецзе, там… что-то прорвалось через задние ворота! Помогите, пожалуйста!

Мальчонка едва сдерживает слёзы, и вид у него до того напуганный, что я стремительно принимаю решение.

- Жди здесь! – грубее, чем хочу, бросаю я и подбегаю к кровати Бай Хэпина. Приведя руки в подобающее положение, я вливаю в мужчину поток собственной духовной энергии, помогая ему бороться с демоном, мучащим его во сне и тем самым ускоряя его пробуждение.

То, что в дом градоначальника ворвались демоны, а это должны быть они, означает только

одно: он лишился своей защиты и скоро умрёт. Правда, в книге Бай Хэпин прежде встретился с Хэ Лунваном, но… неужели встречи не произошло из-за того, что я оказалась с ним? Не хотелось бы искать Хэ Лунвана по всему городу. Но и позволять ему миловаться с демонической ведьмой у меня никакого желания! Не получилось поймать кого-то из её тварей – значит, нельзя дать Фэн Цзяньсюэ подставить градоначальника!

- Лунмин? – очнувшийся Бай Хэпин мгновенно ориентируется в ситуации, одевается быстро и куда опрятнее меня и, схватив меч, выходит в коридор.

Я бегу за ним, но останавливаюсь, окинув взглядом мальчишку, так и стоящего на коленях. На слугу он в своих расшитых цветных одеяниях не похож.

- Юноша, ты сын градоначальника? – хмуро спрашиваю я.

Дрожащий юнец кивает:

- Пятнадцатый молодой господин Цянь, цзецзе.

Пятнадцатый, значит…

- А сколько всего у тебя братьев и сестёр? – уже зная, что ответ мне не понравится, интересуюсь я.

- У меня четырнадцать старших и пять младших, - видимо, чувствуя себя рядом со мной в относительной безопасности, мальчишка Цянь немного успокаивается. Я же мрачнею лишь сильнее: «Значит, есть те, кто даже младше него…»

В оригинальной новелле Фэн Цзяньсюэ, которую читатель сначала узнаёт ещё девочкой, носящей детское имя Фэн Шаньси, предстаёт в душе доброй, но совершающей множество ошибок главной героиней. Она любит главного героя, Хэ Лунвана, но из-за своего воспитания и происхождения не способна добиваться признания его и мира праведным путём. Её школа, Сюэсэ Хоянь, учила тёмных заклинателей, сошедших с праведного пути.

Рождённая человеческой женщиной, внебрачная дочь князя демонов Фэн Шаньси была спрятана в мире людей в Сюэсэ Хоянь. Никогда не используя светлую энергию, она с детства практиковала тьму и смотрела либо на таких же, как она, либо на заклинателей, отказавшихся от светлого пути. Слушала истории убийц и чудовищ, росла в изоляции и не видела положительного примера. Решив, что во главе всего стоит сила и власть, Фэн Шаньси упорно училась и стала лучшей, а, узнав от главы школы в пятнадцать, что является княжной демонов, возгордилась окончательно. Повстречав однажды Хэ Лунвана, девушка решила, что добьётся его любыми способами, ведь главное – результат. Не гнушаясь никакими методами, она снова и снова сталкивалась с Хэ Лунваном и влюбила его в себя. Постепенно она становилась лучше, узнавала от главного героя, каков праведный путь, стала исправляться… но как могут быть вместе небожитель и демоница? Особенно та, чьи преступления всё же раскрыли… Увы, тогда, когда Хэ Лунван уже её любил. В конце они даже поженились после того, как она настрадалась за свои грехи.

Тьфу! Любовная линия хоть и была написана красиво, вытрепала мне все нервы в процессе чтения. И если, читая, я ещё могла как-то симпатизировать Фэн Цзяньсюэ, то, познакомившись с ней лично…

Я ненавижу её. И тем больше ненавижу, когда думаю, сколь много людей пострадало по её вине, в то время как ей автор даровал вечное счастье с возлюбленным. Даже если не брать в

расчёт меня: двадцать детей градоначальника, оставшиеся без своего отца и ставшие детьми предателя, его жена и наложницы, нарожавшие ему стольких… Автор не была щедра на слова об их судьбине, ведь куда важнее главные герои.

- Как тебя зовут? - я тру переносицу, не зная, что делать в первую очередь.

- Этого Цяня зовут Цянь Синъюнь, - послушно отзывается юноша. Скорее всего, это уже его вежливое, а не детское имя, и подобный выбор меня слегка озадачивает.

- Почему так?

- Я родился раньше срока, но смог вырасти крепким, - смущённо отзывается парнишка, шаря ножкой по полу. – И мечом владею лучше старших братьев в моём возрасте. Вот отец и решил, что это благословение.

Что ж, по крайней мере, градоначальник не отказался от слабого ребёнка, а дал ему вырасти и стать сильным… Даже в таком мерзком человеке можно найти что-то хорошее, надо же.

Наконец, я соображаю, что делать дальше.

- Юноша, как далеко от задних ворот спит твоя семья?

Цянь Синъюнь вздрагивает:

- Достаточно. Их комнаты защищены талисманами, но я не думаю, что они продержатся долго. Там что-то… большое.

Прикрыв глаза, я хлопаю мальчишку по плечу.

- Тогда отведи меня к градоначальнику. Уверена, когда учитель расправится с тварью, он придёт именно туда.

Юноша срывается в противоположную той, куда ушёл учитель, сторону. Следуя за ним, я перебираю под одеждами талисманы, которые могут помочь, и решаю, что силы мне нужно потратить именно на то, чтобы не дать обвинить во всех грехах градоначальника. Мне необходимо продержаться хотя бы до того, как Бай Хэпин победит тех, кого послали напасть, чтобы… чтобы что? Отвлечь наше с ним внимание? Сначала демон, что мучал Бай Хэпина во снах, потом нападение на имение… Разумеется, не знай я, что за этим стоит Фэн Цзяньсюэ, я бы в первую очередь побежала за учителем и помогала ему отбить атаку. Но я знаю! И знаю, кого и ради чего она обвинит, а, значит, глупо оставлять градоначальника без защиты, когда на его дом нападают. Он мне живым нужен!

Мы добираемся до покоев господ, и в нос мне ударяет сильный запах крови. Цянь Синъюнь вскрикивает впереди меня, после чего я спотыкаюсь об обнаруженный им труп слуги. Судя по чёрным прожилкам кровеносных сосудов, его знатно накачали тёмной энергией, прежде чем он погиб. Однако умер он не от неё: перевернув труп, я вижу резаную рану.

- Его убили не демоны, - прохладно заключаю после краткого осмотра.

- Это был я, - до боли знакомый голос заставляет меня замереть, так и сжимая кровавые края чужих одежд.

Голос принадлежит Хэ Лунвану.

- Цзецзе в порядке? – неуверенно зовёт Цянь Синъюнь, успевший отойти мне за спину. Рука, что он положил мне на плечо, слегка подрагивает: юноша храбрится, но боится. Вряд ли ему прежде доводилось видеть смерть.

Глубоко вздохнув, я с усилием расслабляю пальцы и вытираю их об одежду. Действие непозволительное, тем более – для старшего адепта: учитель вряд ли бы обошёлся строгим взглядом, застань меня за подобным. Как-то раз он заставил шимэй Ло стирать одеяния всех учеников в наказание за то, что она попыталась незаметно вытереть своим каплю супа с ладони. Мы все тогда увлеклись едой: в Нинцзин прибыли гости из другой школы и для них, а, значит, и для нас, было приготовлено что-то более съедобное, чем обычно. Приятное онемение языка от сычуаньского перца сохранялось ещё долго после пиршества.

- В полном, - бросаю я юнцу, поднимаясь на ноги. Ещё одно мысленное усилие – и я поднимаю голову. Главное выдать своё узнавание за испуг, недоумение, любую другую эмоцию, в общем-то.

А вот на лице Хэ Лунвана отражается явное узнавание, которое он не пытается скрыть. Рука, держащая знакомый клинок, выкованный специально для него ещё на горе Нинцзин, сжимается сильнее вокруг эфеса. Широко раскрытые чёрные глаза не отрываются от меня. Рот слегка приоткрыт. По щеке стекает капля крови – скорее всего, не его. Высокий, выше даже Бай Хэпина, он непозволительно красив, как и положено главному герою романтической новеллы. Собранные в высокий хвост волосы перевязаны лентой – становление Богом Молний не пробудило в нём любви к излишней роскоши. Бело-синие одежды ученика сменили насыщенно фиолетовые, расшитые серебряной нитью. Он выглядит так, словно сошёл с книжной иллюстрации: не соответствует ей только лицо. Оно должно выражать непреклонность и опасность, сметающую с пути демонов и небожителей, а не эти унизительные жалость и скорбь.

- Шимэй, - из приоткрытого рта, наконец, вылетают звуки. Время, пока он меня разглядывал, дало мне немного подготовиться к собственным словам. Мощь его духовной энергии так высока, что его никак нельзя принять за демона, а, значит, моего врага. К тому же, у подножия горы Нинцзин построен его храм, где есть изображение вознёсшегося ученика.

- Как вы узнали? – изображая удивление, я уважительно склоняюсь. Я могу быть сколь угодно старшим адептом, возвысившимся над другими учениками, но он был старшим адептом до меня. И он достиг того уровня совершенствования, при котором смог вознестись. А поскольку становление Богом не сделало его вдруг учеником другого учителя, то да, он по-прежнему приходится мне старшим соучеником. – Ученица Ли Лунмин приветствует шисюна. Может эта ничтожная шимэй поинтересоваться, что здесь произошло?

Хэ Лунван трёт щёку, как будто я только что по ней ударила. Мелькнувшая в его глазах надежда сменяется чем-то иным, но вскоре обе эмоции тухнут.

- Драконья жизнь? – он задумчиво перекатывает моё имя на языке. – Да будет твоя жизнь столь же долгой…

Я завожу руку за спину и сжимаю в кулак, сдерживая гнев. Жизнь Ли Ляньхуа оборвалась так рано частично всё же из-за Хэ Лунвана: Фэн Цзяньсюэ ревновала его ко мне, потому она меня и подставила. По её мнению, мы с шисюном были слишком близки. Должна признать, действительно были.

- Шисюн? – невинно поторапливаю я, потому как бежать впереди него не имею права: слишком

подозрительно. «Что там с градоначальником?» - для того, чтобы взгляд не выдавал мысли, я опускаю его в пол.

- Значит, ты моя шимэй? – интересуется Хэ Лунван. – Ты здесь с учителем?

- Он борется с демонами на другой стороне дома, - даю незамедлительный ответ. – Я же поспешила сюда, чтобы убедиться в безопасности градоначальника.

- Боюсь, ты несколько опоздала, - качает головой бессмертный юноша. – Его окружали переполненные тёмной энергией слуги, когда я прибыл сюда. Полагаю, он был источником тёмных сил.

Борясь с криком досады, я закусываю щёку. Цянь Синъюнь вскрикивает и падает на колени.

- Уверяю вас, мой отец не причастен к нападениям на город, - бьётся он головой об пол в панике. – Ему бы просто не хватило сил овладеть тёмным путём! И я никогда не видел его за практиками, хотя проводил с ним много времени!

Справедливости ради, он не видел и того, как его отец открывал демонам ворота до участившихся нападений, но это было. Однако практиками сбившихся с пути заклинателей градоначальник действительно не занимался.

Хэ Лунван делает шаг по направлению к юноше. Сглатывая кровь из прокушенной щеки, я заступаю ему дорогу.

- Шисюн, позвольте этой презренной шимэй сказать, - излишняя китайская вежливость, граничащая с унижением, горчит на языке. Некстати вспоминается, как в былые времена, когда юноша переступал черту, я дразнила его девой Хэ.

Застыв взглядом на моём лице, для чего ему пришлось опустить голову, Хэ Лунван молча ждёт моих дальнейших слов.

- Благодарю. Думаю, пятнадцатый молодой господин Цянь говорит правду. Те, кто ступают на тёмный путь и достигают на нём успехов, на первый взгляд, ничем не отличаются от других заклинателей, но их выдают некоторые незначительные детали. Они начинают реже моргать, чтобы умереть с открытыми глазами и продолжить бесчинства в посмертии. Их ногти приобретают трупный оттенок, но кожа остаётся живой и тёплой. И они стараются не дышать через рот, чтобы не привлекать своей живой энергией мертвецов. Вечером я наблюдала за господином градоначальником: он часто моргал, нос у него был слегка заложен, а ногти розоватыми.

Выражение лица старшего соученика с напряжённого меняется на задумчивое, и я облегчённо выдыхаю про себя. Годы, проведённые за изучением и переписыванием книг, не прошли даром, и в нужный момент знания всплыли в голове.

- Означает ли это, что ты в чём-то подозревала покойного? – прищур Хэ Лунвана в сочетании со сложенными на груди руками должен пугать, но я только чуть снисходительную улыбку на себя цепляю.

- Эта шимэй прилетела помочь учителю. Она подозревала всех.

Уголки губ шисюна слегка приподнимаются, и он протягивает руку, чтобы погладить меня по голове. Как раньше.

- Такой ученицей будет гордиться каждый учитель, - голос его мягок и покровительственен. Мне хочется сжаться и спрятаться куда-нибудь в уголочек, лишь бы он не говорил и не обращался со мной, как с Ли Ляньхуа.

Спасение приходит со стороны того, от кого его не ждали. Не то чтобы я вообще ждала спасение хоть от кого-то.

- Этой печати не было тут раньше! - восклицает Цянь Синъюнь из покоев градоначальника, в которых скрылся посмотреть на отца. Ужасное зрелище для гражданского парнишки, но останавливать его никто не стал.

Хэ Лунван хмурит брови и проходит в комнату, из которой ранее вышел, я иду следом. На рабочем столе, заваленном бумагой, разлита тушь, а посреди чёрной лужицы лежит…

- Печать Мертвецов, - мрачно заключает старший соученик и отталкивает мальчишку себе за спину.

- Откуда она здесь?!

Поражаюсь я искренне. Печать Мертвецов – могущественный тёмный артефакт, привлекающий демонов и неживых со всей округи. Его невозможно подделать, его нельзя перекупить, можно лишь… украсть. Способный подарить невероятное могущество, артефакт извращает разум всякого, кто им владеет. Лишь демоны правящей семьи способны справиться с его мощью. Такими артефактами не разбрасываются, чтобы просто кого-то подставить. Зато его наличие объясняет участившиеся набеги на несчастный город. Они должны были бы начаться как раз с тех пор, как Печать Мертвецов оказалась здесь.

Её находка и оправдывает, и очерняет градоначальника. Он никак не мог украсть её у князя демонов сам, значит, кому-то было выгодно, чтобы она оказалась в его руках. С другой стороны, он принёс её в город и обрёк многих на погибель.

Притянув к себе Цянь Синъюня, я со страхом осознаю, что за всем происходящим в Приграничных Землях может стоять и не Фэн Цзяньсюэ. В книге она подставила градоначальника гораздо проще, ей и в голову не пришло раскидываться мощнейшим семейным артефактом, становящимся ужасным оружием в руках всякого, кто его коснётся. Как же градоначальник сохранял рассудок, находясь рядом с Печатью? Он мог сохранить его только в том случае, если… больше не являлся собой.

- Это не градоначальник, - в ужасе выдыхаю я. – Это оболочка.

http://tl.rulate.ru/book/86356/2758957